Добрыня и Дунай

Ездил Добрыня по чисту́ полю́
И приворачивал к летным тихим за́водям,
И стрелял гусей-ле́бедей,
Околачивал серых малых утёнышков.
Наездилса Добрынюшка да наохвотилса,
Отъехал от тихих малых за́водей,
Выехал Добрыня во чисто́ полё,
Поехал по полю по чи́стому.
Завидел на́ поле черно́й шатёр,
Черно́й шатёр, да чернобархатной,
Здумал приворотить к шатру да чернобархатну.
Шатровы двери за́перты,
За́перты двери, да за́мкнуты,
Над дверями подпись подписана,
Да подрезь подрезана,
И с угрозою шатёр оставленный:
«Кто приворотит к тому шатру,
Кто отопрёт мои двери шатровыя,
И попьёт, поест, покушает,
Не уедет он от черна́ шатра,
Хоть уедет он от черна́ шатра,
Не уедет он из чиста́ поля́,
Нагоню я на поле на чистое,
Под меч склоню и голову́ срублю».
Добрынино дело не выклое,
Не выклое дело, не бывалое:
«Не бывал Добрыня по чисты́м поля́м,
Не видал шатров чернобархатных,
Чернобархатных шатров да с угрозами».
А поехал Добрыня против черна шатра,
Немного проехал он и приразду́малса,
Приразду́малса Добрынюшка промеж собой:
«Я приеду нонь да в стольней Киев-град,
Зайду ко князю ко Владимиру,
У князя, можот, сидит старо́й казак,

Старо́й казак да Илья Муромец.
Он и спросит у меня, старой казак, да таково́ слово́:
„Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич блад!
Ты уж где бывал да што слыхал,
Што слыхал, да кого видывал?
У меня старому сказать будет нечего.
Видел только, скажу, на поле
Черно́й шатёр да со угрозою,
Не посмел отворить двери шатровые.
Што мне скажет на то старой казак?
„Полно тебе, Добрыня, ездить да во чисто полё,
Дома живи да ты с бабами,
Почищай ты у их да передници
И подтирай ты у их задници“».
Воротился тоґда Добрыня ко черну́ шатру́,
Поставил коня к дубу́ сы́рому,
Где насыпано пшена да белоярова,
Подошел Добрыня к дверям шатровыим,
Со́рвал замочики он заморския,
Отопрал двери́ он шатровыя,
Зашел Добрыня он во черно́й шатёр.
Во шатри сто́лик стоит поставленный,
На столи кушанья всякие разныя,
Стоят графины с водкой разною.
Стал Добрыня тут кушати,
Стал водоцьки покушивать,
Наелса-напилса Добрыня досыта.
Омманула водка Добрынюшку Никитичя:
Не мог Добрыня уехать от черна́ шатра́,
Свалилса спать он во черно́м шатре́.
Долго ли спал ли, коро́тко ли,
Наехал тут шатровый хозяин.
Разгоречилса на Добрыню Никитичя,
Сонно́го убить всё равно как мёртвого,
Закричал только ярым голосом:
«Кака приехал тут за невежа ж?
Сорвал мои замки весучия,
Я срублю у тебя да буйну голову!»
Будил-кли́кал его до трёх разо́в.

Стал его попинывать,
Попинывать и пошевеливать.
Пробудилса Добрыня от крепкого сна,
Скочил Добрыня на резвы́ ноги́,
Ушел Добрыня из черна́ шатра́.
Садилса Добрыня на добра́ коня́,
Поехал Добрыня от черна́ шатра́.
Сзади настиг хозяин его в чисто́м поли:
«Кака ты приехал за невежа такая,
Не спрашивашь ты ни дедины и ни вотчины, и не хозеина,
Наелса и напилса допьяна
И уехал от черна́ шатра!»
Ехали они, знашь, до Киева,
Приехали они в стольней Киев-град,
Зашли ко князю ко Владимиру.
У князя сидит старо́й казак,
Старой казак да Илья Муромец.
Говорит Илья да таково́ слово:
«Откуда взелись да таки́ молоццы?»
Оба старому стали жалитьця,
Один объявляет ему жалобу,
Што приехал к его шатру, напился, наелся.
А другой отвечает таково́ слово:
«Зачем ты оставляешь шатёр с угрозою?»
Говорит им на то старо́й казак:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич блад,
Али ты Дунай да сын Иванович!
Помиритесь, согласитесь вы,
Делить вам нечего:
Один оставил шатёр с угрозою,
А другой хоть попил-поел — не унёс ничего».
У князя пир идёт уж трое суточки.

(Зап. Астаховой А. М.: 5 июля 1929 г., сел. Усть-Цильма — от Дуркина Дмитрия Карповича, 83 г.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.